

*Посвящается моим родителям
Дганит и Арье Изерлес —
мудрейшим Старейшинам всех земель*

СНЕЖНЫЕ ЗЕМЛИ

БЕЛЫЕ ГОРЫ

ЗЕМЛЯ
ТАКУ

КИПЯЩИЕ
ГЕЙЗЕРЫ

ЛЕДЯНЫЕ
НОЖИ

БУРНАЯ РЕКА

ВЕРХНИЕ
ДИКИЕ ЗЕМЛИ

ТЕМНЫЕ ЗЕМЛИ

ДОЛИНА
ПРИЗРАКА

ДРЕМУЧИЙ
ЛЕС

БОЛОТНЫЕ ЗЕМЛИ

МИР ЛИСЬЕГО ИСКУССТВА

FOXCRRAFT

НИЖНИЕ
ДИКИЕ ЗЕМЛИ

РЫЧАЩИЙ
ЛЕС

К МОРЮ

ДИКИЕ ЗЕМЛИ

КАМЕНЬ
СТАРЕЙШИИ

СВОБОДНЫЕ ЗЕМЛИ

ЗЕЛЕНАЯ ПОЛОСА

ЛОГОВА
ЗВЕРЕЙ

СЕРЫЕ ЗЕМЛИ
(БОЛЬШАЯ ПУТАНИЦА)

НОРА
АЙЛЫ

ДОРОГА СМЕРТИ

Blando

1

Я не остановилась, когда услышала крик. Не задержалась и на краю леса, где над густым папоротником возвышались деревья, не стала даже оглядываться. В Диких землях шла гулкая переключка: ухали и свистели птицы, взвизгивали звери. Жужжали тучи мошкары, трава шуршала под порывами ветра.

Передо мной раскинулся широкий простор. Вдали виднелись долины и горы, вершинами вонзавшиеся в небо. Над головой висело бледное солнце. Пристальному взору открылись луга, их больше не

заслоняли деревья. Мне нужно было добраться до горы в окружении скал, где я могла бы держаться в тени. А оглядев с высоты Дикие земли, я поняла бы, куда идти.

Я прибавила шагу.

И тогда крик ворвался в мои мысли. Шерсть у меня на загривке встала дыбом, дыхание перехватило. Мне на нос упала капля дождя, и я вздрогнула. Какая-то лисица молила о помощи.

Нырнув в заросли папоротника, я твердо сказала себе: «Меня это не касается».

Покинув Серые земли, я пробиралась под деревьями, едва раскрывшими почки, избегая любого, кого чуяла на своем пути, — даже лисиц. Когда-то мне очень хотелось оказаться среди своих, в надежде, что мне помогут найти мою семью. Но теперь я знала: мои родные, кроме брата Пайри, мертвы. А он потерян для меня — исчез среди зеленых просторов Диких земель.

Мне уже не суждено увидеть папу, маму или бабушку. Воспоминания о них угасали, и вместо этого в памяти пустил корни какой-то темный узловатый нарост...

Я старалась не думать о Сиффрине, красивом лисе, которого я встретила в Большой Путанице. Он защитил меня от убийц Мэйга — лисиц Зачарованного с красными глазами. Он помог мне поймать добычу, привел меня в укрытие.

Значит, Сиффрин — мой друг.

«Не доверяй никому, кроме родных, потому что у

лис нет друзей».

Насчет этого бабушка была права. Сиффрин обманул меня. Он наблюдал за тем, как банда Мэйга убивала моих родных, однако уверил меня, что они живы. У него был шрам, похожий на смятую розу, в верхней части передней лапы — метка Зачарованного. Метка, которую он пытался скрыть.

Он лгал мне с самого начала.

Я приподняла голову над папоротником. Первую каплю дождя догнали другие. Они стучали по листьям, отскакивая от них и шлепаясь на землю. Я замерла, шевеля ушами. Мгновение-другое все было тихо, только шелестели на ветру листья да шумели дождевые капли, летевшие с темнеющего неба. А потом снова закричала лисица. То есть лис.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите мне! Я не могу выбраться! — провизжал он и заскулил, как детеныш, хотя, судя по голосу, это был уже взрослый лис.

Я поползла под папоротником, поворачивая уши в разные стороны. Я не могла понять, откуда именно доносится голос. Он словно вырывался из чрева земли. Я вскинула голову. Впереди наверху была путаница веток и плюща. А где-то внизу журчала вода, может быть, там протекал подземный ручей. Неужели лис угодил туда? Что вообще с ним случилось?

Я осторожно переставляла лапы. В небе кружили два ворона, поблескивая черными перьями. Один

раскрыл клюв и крикнул: «Ка-ар! Ка-ар!» Я приблизилась к плющу, шум воды стал громче. Пригнувшись, я сдержала дыхание. Передо мной круто обрывался вниз заросший склон оврага. Ручей бежал по камням на его дне.

— Прошу, помогите! — завопил лис. — Я застрял!

Я наконец увидела его в глубине оврага. Бедняга рычал, пытаясь освободиться.

— За мной гнались собаки, и я соскользнул с берега! Я не заметил обрыва вовремя! — Он встряхнулся и тут же плюхнулся обратно. — У меня лапа застряла!

Он вертелся и дергался, но задняя лапа крепко засела между камнями. Вдоль его боков бурлила рыжеватая вода. Дождь полил сильнее. Вниз по обрыву потекли маленькие ручейки, вливаясь в поток на дне.

Лис тщетно напрягал все силы.

— Ручей все глубже! Дождь... — злился он.

Он выплюнул попавшую в пасть воду. Мой хвост дергался от возбуждения, когда я изучала движение потока и склоны оврага. На них высоко над головой бедолаги виднелись темные полосы — до этих уровней поднималась вода в непогожие дни. И она продолжала прибывать.

«Не доверяй никому, кроме родных...»

Я поджала хвост. Напряглась, чтобы бежать. Этот лис ничего для меня не значил. Его беда не касалась меня. Я должна позаботиться о собственной жизни,

сосредоточиться на поисках Пайри. Мне нужно двигаться дальше...

Но мои лапы как будто приросли к земле.

Нельзя бросать его: он ведь утонет.

Я окинула взглядом противоположный склон, густо заросший зеленью.

— Ты сказал, что за тобой гнались собаки. Куда они убежали?

Я наморщила нос. Но не почуяла ничего, кроме запахов коры и почвы. С дрожащих небес на землю лился холодный чистый дождь.

— Собаки увидели, что я упал, и унеслись с лаем. Думаю, они... — Серый лис изогнул шею, чтобы посмотреть на меня, и тут же прижал уши. — Да ты просто детеныш... — В его голосе слышалось разочарование.

— И что? — огрызнулась я и поползла вдоль плюща, стараясь найти точку опоры. — Мне известно больше, чем ты думаешь.

Я действительно кое-чему научилась с тех пор, как покинула свою нору в Серых землях... Чуть не умерла от голода, лишь бы не попасться на глаза собакам; подражала зову других зверей, обманывая добычу с помощью искусства каракки. Я ловила мышей и жуков, проявляя умения, о которых и сама не подозревала. Да, мне помогал Сиффрин, ну и что? Я и без него теперь могла справиться.

День окончательно угас в тучах. Свет померк, настала ночь, не уступив ни часа сумеркам. Дождь

усилился, холодные струи бежали по моей спине. Я видела, как вода в овраге поднимается. Она бурлила у самого горла серого лиса.

Он вскинул голову и снова пролаял тревожный призыв, как будто меня и не было рядом.

Я спустила переднюю лапу с края оврага.

— Так ты хочешь, чтобы я тебе помогла, или нет?

— Пожалуйста... — Он всмотрелся в меня сквозь сгущавшуюся тьму. — Если ты можешь, сделай что-нибудь. Я не хочу умирать здесь. У меня семья...

Мои усы дернулись. Я осторожно слезла на крутой склон. Влажная земля комьями налипала на мои лапы и застревала между подушечками. Я осторожно, медленно скользила вниз, цепляясь за каждый выступ, моргая из-за дождя. Края оврага были обрывистыми. Выбраться наверх наверняка будет нелегко, но сейчас слишком поздно тревожиться об этом.

Вода внизу бесновалась и бурлила. Все лисицы умеют держаться на плаву, если дело до того доходит, — это я знала от папы, которому в детстве, в Диких землях, нравилось нырять и плавать.

— Ничего нет лучше в жаркий день, чтобы охладиться, — говорил он.

Но я вовсе не радовалась мысли о том, что придется прыгнуть в поток. Пока он был глубиной в одну лисицу. Серый лис уже жадно хватал воздух ртом, стряхивая воду, что плескалась вокруг.

— Я тону! — проскулил он, когда я оказалась рядом.

Из ручья торчала только его голова.

— Оставайся на месте...

Совет был бессмысленным — лис все равно не мог никуда сдвинуться. Стиснув зубы, я сунулась в поток. Ледяная вода укусила меня за живот. На мгновение я погрузилась с головой, и меня охватила паника. Вокруг булькали пузыри. Через миг я выскочила на поверхность. Вода оттащила меня от серого лиса, волоча вниз по течению. Я заколотила лапами и развернулась, с облегчением убедившись, что папа был прав: умение плавать оказалось прирожденным.

Наткнувшись на серого лиса, я постаралась зацепиться лапами за дно. Возможно, инстинкт помогал мне держаться на плаву, но это было не так-то легко. Лис посмотрел мне в глаза. Его зрачки расширились от ужаса.

— Прощу, поспеши, — проскулил он и вздернул вверх морду, хватая воздух.

Я попыталась нырнуть, но течение вытолкнуло меня. Глубоко вздохнув, я повторила попытку, пробив плотную поверхность воды носом и изо всех сил колотя лапами, чтобы уйти вглубь. Давлением воды мне сжало горло, но я давно научилась сдерживать дыхание — еще когда занималась истаиванием.

В мутной рыжеватой воде трудно было что-то рассмотреть. Я просто положила на свои чувства. И смутно различила очертания задних лап серого лиса. Одна из них попала под кучу камней. Я зажала самый крупный булыжник между лапами. Он не сдвинулся с

места. Свободная лапа лиса судорожно дергалась рядом со мной. Я всплыла наверх. Воздуха в груди уже не оставалось. Потом я повторила попытку, успокаивая свой ум.

Камень, сдвинься...

Я мысленно пожелала этого. Слабый свет блеснул в бурной воде. Лис больше не барахтался, и мне стало легче дотянуться до камня. Я уже чувствовала необходимость глотнуть воздуха, мое горло как будто драли чьи-то когти. С последним всплеском энергии я рванулась к камню, толкнула его изо всех сил. Он наконец шевельнулся, упрямо покачиваясь в разные стороны... Выскочив на поверхность, я снова забила лапами, борясь с течением. И поспешила выползти на берег, цепляясь за него когтями и жадно хватая пастью воздух.

Мрачное небо было сплошь затянуто дождевыми тучами. Поток катил по камням, поднимаясь все выше.

И нигде не было видно серого лиса.

Неужели его захлестнуло течением? Я прижала уши. Мне вспомнились две лисицы, что остались в клетках похитителей городских лис, когда я сбежала.

Я поползла вверх по склону над потоком, мои лапы скользили по мокрой земле. Мне понадобились все силы — а они были на исходе, — чтобы зацепиться когтями за край оврага и выбраться наверх. Я упала под колючим кустом, моя кровь кипела, несмотря на непрерывный дождь и недавнее погружение в

холодный ручей.

Я подумала о Пайри с его яркими глазами, пестрой шкурой... Мне хотелось видеть его таким, каким я его помнила, когда мы играли на зеленой полосе рядом с нашей норой, ловили жуков в высокой траве. Я старалась представить его хвост, что бил из стороны в сторону. Но передо мной возникала совсем другая картина...

Пайри был рядом, но скрывался в тумане. Когда мои мысли слились с его мыслями, я смогла смутно различить другие силуэты, угрожающие, незнакомые. Одна фигура сделала шаг в мою сторону, и я заметила блеск белых клыков...

Прозвучал голос Пайри, очень тихий: «Я в беде, Айла. Здесь вокруг тени и деревья с ветвями, что хватают тебя, как когти...»

— Я не откажусь от тебя, Пайри! Я найду тебя, обещаю!

Мягкий толчок вывел меня из забытья. Я мгновенно открыла глаза и насторожила уши. Дождь продолжал поливать кусты. А передо мной стоял лис, с ног до головы покрытый толстым слоем грязи. У меня перехватило дыхание.

— Пайри?.. — растерянно моргнула я.

Но мне ответил чужой голос:

— Меня зовут Хайки. Похоже, ты только что спасла мне жизнь.

Это не мой брат... Я нахмурилась, на мгновение растерявшись.

— Я не заметил обрыва, — продолжил он, — соскользнул вниз, и моя лапа застряла. Не представляю, как ты ее высвободила, камень был таким тяжелым... — Лис наклонил голову вбок, с уважением глядя на меня. — Как тебя зовут, детеныш?

Я удивленно моргнула. Так он все же не утонул...

— Я Айла.

Лис долго, изучающе смотрел на меня. Потом встряхнулся, осторожно оглянулся. И произнес тихо:

— Те собаки... ну, которые гнались за мной. Не думаю, что они ушли далеко.

Мой хвост тут же вздыбился.

— И где они? — прошептала я.

Неподалеку от нас хрустнула ветка.

И вовсе не лис ответил мне из темноты папоротников.

— Да прямо здесь, — прорычала собака. — Мы вас ждали!

2

Перед нами стояли две тощие собаки с костлявыми мордами и кривыми зубами. Говорила та, что крупнее, с темно-коричневой шкурой. Вторая была черно-рыжая, с маленькими плоскими ушами. Обе нависли надо мной и Хайки. Я видела, как выпирают ребра из-под их короткой шерсти. Собаки в Серых землях гонялись за лисицами для развлечения или же по приказу своих хозяев. Но эти двое выглядели куда более ободранными, чем псы в Серых землях. Судя по всему, они выходили на охоту с наступлением темноты, когда поблизости не было бесшерстных.

И в их глазах горел голод.

Едят ли собаки лисиц? Я вздрогнула, по моей спине пробежал холодок страха. Я посмотрела на заросли папоротника. Там имелось множество мест, где могла бы спрятаться лисица, но туда сначала нужно было добраться. А эти длинноногие псы без труда обогнали бы нас.

Хайки придвинулся ближе ко мне, повернувшись к более крупному псу.

— Вы похожи... похожи на хороших собак, — бодро произнес он.

Они с сомнением уставились на него. Вот уж на хороших собак они совсем не походили.

Хайки это не остановило.

— Нам совсем не нужны неприятности, — продолжил он. — Мы не хотели вторгаться на вашу территорию.

Крупная собака сделала шаг к нему.

— Но вы уже на нашей территории, — прорычала она. — Две лисицы в поле. Мы не дураки. Мы знаем, что вы тут собрались делать. За кроликами гоняться, вот что.

Вторая собака лениво посмотрела на нас:

— Здесь все кролики — наши.

Я открыла было рот, чтобы возразить. Я видела кроликов издали, но ни одного из них не попыталась поймать: попросту не знала, как это делается.

— Наши кролики! — подхватил большой пес.

Он опустил голову, рыча, и шерсть на его загривке

поднялась. Я нервно сглотнула, не находя слов.

Хайки быстро заговорил:

— Нет, мы тут просто тренируемся, я учу детеныша. Конечно, мы и не думали воровать ваших кроликов! — Он бросил на меня быстрый взгляд и снова уставился на собак. — Просто было очень странно то, что делали эти кролики. Мы не удержались и остановились, чтобы полюбоваться на них.

— Странно? Что именно? — Большая собака наморщила нос.

— А ты не знаешь? — Хайки широко раскрыл глаза, как бы в удивлении. — Те кролики... они неслись через луг. Я видел их. Даже самые маленькие мчались... думаю, вон туда. — Он показал носом в сторону дальних холмов.

— Хочешь сказать... ты правда видел их? — разинула пасть первая собака.

Все мое тело напряглось от страха. Что это затеял Хайки?

А он искренне смотрел в глаза псам, не обращая внимания на их угрожающий вид.

— Я подумал: вот так кроличий садок! Они бежали большой группой. Огромные кролики, много-много, а за ними — маленькие. Вон там. — Хайки устремил взгляд на открытое пространство.

— Кролики не могут убежать просто так, — выдохнула двухцветная собака. — Что ты с ними сделал?

Она подобралась на шаг ближе, встав вровень с темно-коричневым псиной. Я поморщилась, сердце у меня отчаянно колотилось. Если бы я воспользовалась истаиванием, то могла бы удрать от них, но сработает ли это, когда враги так близко? И как же Хайки? Вряд ли я могла оставить его на растерзание псам после того, как он выбрался из оврага. А вот Сиффрин в первую ночь, что мы провели вместе, сумел замаскировать нас обоих, чтобы спрятать от Зачарованного. Мой хвост дернулся. Неприятно было это признавать, но Сиффрин владел лисьим искусством куда лучше, чем я.

Гораздо лучше.

Но у Хайки, похоже, был какой-то план.

— Мы ничего не сделали тем кроликам! Честно, просто любовались ими. Если присмотритесь, вы и сами их сможете увидеть, — ужасно много кроликов, они бегут одной группой. Там нет деревьев, ушастым негде спрятаться... они на открытой местности. Их легко поймать... — Хайки многозначительно облизнул языком кончик носа.

Большой пес резко повернул голову в сторону поля, но за плющом и папоротником ничего не было видно.

— Ерунда, — рыкнула черно-рыжая собака. — Кролики ненавидят сырость. С чего бы им бежать куда-то под дождем?

Хайки не замедлил с ответом:

— Да потому что сейчас темно! Они знают, что, если побегут через поле днем, вы их увидите. И

лисицы их заметят. А вороны тут же нападут на малышей. Это слишком опасно.

Крупный пес уже облизывался и вытягивал шею в сторону плюща. Язык свесился из его пасти.

— Глупости! — рявкнула двухцветная. — Зачем им вообще куда-то бежать?

Большой пес напрягся, взгляд стал сердитым. Он снова повернулся к Хайки:

— С чего бы кроликам убежать?

Хайки моргнул:

— С чего убежать? — Он мгновение-другое молчал, и я нервно дернула лапами, но серый лис быстро нашелся. — Да, с чего им бежать, если две крепкие быстроногие собаки с огромными клыками распоряжаются в этой местности? Если бы вы сами были кроликами, разве не решились бы на рискованный побег ночью, чтобы добраться до холмов, где безопасно?

В его словах не было никакого смысла — ведь кролики живут в норах под землей, а не высоко в горах. Даже я это знала, даром что была родом из Большой Путаницы. Я прижала уши. Хайки льстил собакам, однако, к моему удивлению, его хитрость сработала.

Собаки переглянулись и сделали несколько шагов в сторону луга.

— Если вы поспешите, вы легко их догоните, — сказал Хайки. — Представьте, какой это будет пир. Говорят, маленькие кролики в особенности нежны на

вкус...

Крупная собака полезла в папоротники, виляя тонким хвостом. Та, что была поменьше, направилась следом, но остановилась и оглянулась.

— Сидите здесь, лисицы. Если вы правы насчет кроликов, мы, пожалуй, будем настолько добры, что разрешим вам уйти. Но если вы соврали... — прорычала она и оскалила клыки.

— Отвечаю за свои слова! — настойчиво затывжал Хайки. — Вы не разочаруетесь!

Я с трудом верила собственным глазам — собаки исчезли в зарослях папоротника. Мы с Хайки замерли. Потом я резко присела на задние лапы и приготовилась бежать.

— Туда! — тихо сказал Хайки.

Мы тоже ринулись сквозь папоротник, огибая колючие кусты и перепрыгивая через торчавшие из земли корни. Нам предстояло сделать широкий полукруг, чтобы укрыться у подножия горы. Мы прижимались к земле, наши хвосты подметали землю. Дождь слегка утих, но я радовалась тому, что он не прекратился: вода смывала наш запах.

Несмотря на уроки, полученные в Серых землях, я не могла бежать так же быстро, как взрослая лисица. Стиснув зубы, я старалась не отставать от Хайки. Вскоре папоротники расступились, земля стала каменистой. Хайки остановился на краю зарослей, ожидая, пока я его догоню. Я встала рядом с ним, тяжело дыша.

— Собаки сейчас вон там, — тихонько пробормотал Хайки.

Я тут же повернула уши в ту сторону и вперила взгляд в холодный простор. Холмы сгорбились под тяжелым небом, их очертания были едва различимы в темноте. И я с трудом рассмотрела две тени, мчавшиеся со злобным рычанием. Послышался громкий лай.

— Этим лисицам конец! — рявкнула крупная собака.

Но мы были уже далеко.

В Большой Путанице не было мест, куда не падал бы свет висячих шаров. Всю землю там заливало их желтое сияние. Но здесь, в Диких землях, ночь была черной, как кончики лисьих ушей. В темноте мы добрались до подножия горы. Легко перепрыгивая через сыпучие камешки, порою прижимаясь к земле, мы зигзагами поднимались все выше. Теперь собаки нас не найдут.

По мере того как приближалась вершина, Хайки замедлял шаг. Шкура на его боках обвисла, тяжелая от грязи. Я следовала за ним, и наконец он остановился, чтобы передохнуть. Я села неподалеку от него, а Хайки принялся выкусывать из меха комья грязи. Она сыпалась на его хвост, но Хайки, похоже, не замечал этого. Он совсем не был чистюлей вроде Сиффрина.

Вскоре он перестал чистить мех и повернулся ко мне:

— Ты спасла мне жизнь, Айла. Я убегал от собак и

упал в овраг... Моя лапа застряла... Я не смог бы сам освободиться. Но ты сумела мне помочь... Какая же у тебя сила! — Он благодарно посмотрел на меня, склонив голову набок.

— Ну а ты избавил нас от собак, так что, думаю, мы с тобой квиты.

Хайки добился успеха не бегством и не лисьим искусством, а хитрым обманом. Я никогда прежде с подобным не сталкивалась.

Тут я услышала вдали злобный лай и начала оглядываться.

— Собаки говорили, что видели лис в поле, но это была не я. Здесь кто-то еще есть?

— Я никого не встречал, — ответил Хайки. — Но собаки ведь не слишком умны!

— А кролики на самом деле никуда не убежали, да?

Хайки фыркнул:

— Под дождем? Конечно нет. Кролики ведь пугливы. И они терпеть не могут сырости. Но собака — ужасно жадное существо, собака что угодно проглотит.

Дождь утих, а потом и вовсе перестал. Тучи рассеялись, открыв небо, усыпанное звездами. Свет Канисты сиял ярче, чем я когда-либо видела в Серых землях. Я смотрела вверх, зачарованная мерцанием небесных огней. Я могла различить на небе контуры лисьих морд, лап и хвостов, словно нарисованные белыми сияющими точками. Неужели ясное ночное

небо на самом деле вот такое, просто лучи светящихся шаров и горящие гневом глаза манглеров мешали увидеть его? Или только в Диких землях звезды могут так сверкать?

— Прекрасно, правда? — Хайки наблюдал за мной. Я обернула хвост вокруг себя.

— Не привыкла я к таким ясным ночам.

— А к чему ты привыкла?

Я повернулась и посмотрела на Хайки. Его серый мех пушился, лапы были короткими и крепкими, морда — довольно крупной.

— Мне нужно идти дальше... Рада, что с тобой все в порядке, — сказала я, вскочила и потянулась, разминая задние лапы.

— Но тебе, пожалуй, следует немного подождать, на тот случай, если собаки вернуться. Они ведь будут искать нас.

Я всмотрелась в даль поверх камней. Было так темно, что поля казались огромными черными провалами. Издали донесся чей-то вскрик. Птица? Но в Серых землях я таких птиц не слышала. В пронзительном голосе звучало предостережение тем, кто был внизу.

Нужно забраться на гору, чтобы увидеть земли, что лежат за ней, — но даже лисье зрение бесполезно в такой необъятной тьме. Придется ждать до тех пор, пока солнце не поднимется над горизонтом.

Хайки зевнул и растянулся на животе.

— Могу поспорить, ты живешь не близко.

Кончик моего хвоста дрогнул. Этот лис, конечно, увел нас от собак, однако я ничего о нем не знала. А опыт уже научил меня осторожности.

Хайки был спокоен. Он вытянул заднюю лапу, чтобы привести в порядок мех, но сделал это неловко и завалился набок, тихонько взвизгнув.

— Я тоже не здешний. Из Нижних Диких земель. Я долго сюда добирался.

— А почему ты оттуда ушел?

Мне не следовало спрашивать. Чем меньше я буду знать об этом неуклюжем лисе, тем легче будет расстаться с ним.

Но Хайки как будто обрадовался вопросу. Он с важным видом выпятил грудь:

— Я в поиске! Иду в Верхние Дикие земли, чтобы найти Старейшин!

Я отвела взгляд и уставилась на сияющее созвездие Канисты.

— А ты о них вообще слышала? — спросил Хайки веселым голосом. И тут же продолжил, не ожидая ответа: — Там, откуда я пришел, говорят, что Старейшины — умнейшие из всех лисиц и они хранят все лисьи знания! Они знают практически все. — Хотя вокруг никого не было и никто не мог нас услышать, Хайки понизил голос: — По слухам, Старейшины наделены особой силой. Непонятной и магической...

Я опустила глаза. И подумала о Сиффрине, который утверждал, что он посланник Старейшин. Я помнила его слова: «Это хранители лисьих знаний,

мудрости и науки о лисьем искусстве. В Диких землях живут семь мудрейших лисиц».

Он говорил, что Джана, одна из Старейшин, искала Пайри. Но Сиффрину нельзя было доверять, а это значило, что и Старейшинам верить не следовало. И все же я вдруг спросила:

— А ты их когда-нибудь видел?

Хайки весело тьякнул:

— Видел их? Я, обычный лис из Нижних Диких земель? Никто из таких, как я, не удостоился этой чести. Некоторые даже сомневаются в том, что Старейшины вообще существуют, но я точно знаю: они есть. Мы с братьями и сестрами с детства о них слышали. Нам нравились легенды о Черном Лисе, который может становиться невидимым или превращаться в других детей Канисты.

Я насторожила уши. Сиффрин упоминал о Черном Лисе, но я его едва слушала.

Хайки широко взмахнул хвостом.

— Это самый могущественный лис на свете, он владеет лисьим искусством как никто другой, — сообщил он. — А ты слыхала о таком?

Я пробормотала, что мне об этом рассказывали.

Хайки как ни в чем не бывало продолжил:

— Именно с его помощью Старейшины выжили среди жестоких бесшерстных. В каждом веке есть свои Старейшины и среди них один особенный — Черный Лис. А в этом веке он нужен как никогда, ты согласна?

Я прижала уши:

— О чем это ты?

Хайки посмотрел на меня так, будто увидел в первый раз.

— Скажи-ка, откуда ты родом? — В его голосе вдруг прозвучала легкая настороженность.

— С юга, если взять чуть в сторону восходящего солнца.

— Не из Нижних Диких земель?

Я стала покусывать лапу, чтобы уклониться от его испытующего взгляда. По непонятной причине мне не хотелось признаваться ему, что я из Большой Путаницы. Хотя, казалось бы, какая разница?

— Я родилась в Серых землях, — наконец буркнула я, произнеся то название, которое чаще использовали лисицы из Диких земель.

Хайки уставился на меня:

— Никогда раньше не встречал лисиц из Серых земель. Каково там? Действительно так шумно и темно, как рассказывают? — Он смерил меня взглядом. — А, поэтому ты умеешь ловко карабкаться по камням и не боишься течения? Это что, какой-то вид... ну, лисьего искусства Серых земель?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я научилась всему этому с тех пор, как покинула свою нору.

— У тебя нет семьи?..

Мрачные мысли хлынули в мою голову, и я сосредоточилась на своей лапе, выкусывая из нее комки высохшей грязи.

— Я путешествую одна.

Хайки вскочил на все четыре лапы.

— Я тоже! — Он сел, подергивая хвостом. — Все мои родные исчезли... — Теперь его голос прозвучал жалобно.

Я вскинула голову:

— Исчезли?

— Все, все до единого, — вздохнул Хайки. — Я, видишь ли, пытался поймать кролика. Необычного кролика! У него был очень пушистый белый хвост и белые пятна на шкурке. Я думал: если мне улыбнется удача, мама и папа будут мной гордиться. — Он уронил голову на передние лапы. — Но кролик спрятался в норе... а когда я вернулся, дома никого не оказалось.

Меня пробрало холодом. Это было очень похоже на то, что случилось с моей собственной семьей.

— Вот поэтому я и отправился к Старейшинам, — понизил голос Хайки. — Если я хочу найти родных, мне нужна помощь. Я просто не знаю, куда еще идти. Старейшины — умнейшие лисы во всех Диких землях. Они ведь должны мне помочь, да?

Я кивнула, прекрасно его понимая. А когда заговорила, мой голос прозвучал напряженно:

— А ты знаешь, куда подевалась твоя семья?

— Нет, не знаю, — тихо откликнулся Хайки. — Но ушли они не по своей воле. И мне известно, кто их забрал. Он, должно быть, использовал злые чары. У него странные светлые глаза и лохматый хвост.

Я невольно зашипела. Мне не нужно было уточнять, о ком именно говорил Хайки.

Но сама я знала лишь то, что рассказывал Сиффрин: «Почти никто не слышал о нем. Он устроил свою берлогу в Дремучем лесу под древними деревьями. Говорят, он подчинил лисье искусство страшной цели... Стаи из Болотных земель поведали о странном шуме, что доносился из того леса, о необычных запахах и исчезновении лис...»

Это мог быть только Мэйг — повелитель Зачарованных.

3

Воздух вокруг казался густым и липким, он словно попался в ловушку морозящего дождя. Царило полное безветрие. Холодное небо скрывала паутина вьющихся растений, опутавших ветки. Глядя вверх, я пыталась найти хоть какие-то осколки света. День стоял или давно наступила ночь? Ни единый солнечный луч не проникал под деревья, и даже намек на созвездие Канисты не было видно в кромешном мраке. Только слабая желтая дымка висела в воздухе, но ее хватало лишь для того, чтобы ловить неясные тени и бросать их на землю перед

моими лапами.

Ужас щекотал мой живот, будто по нему ползли жуки. Куда я попала?

Та жизнь, которую я знала, здесь отсутствовала. В ветвях не чирикали птицы, только где-то каркали вороны. Я посмотрела вниз. Ни травинки не росло под этими деревьями. Ни единого листка. Вместо зелени из земли торчали странные грибы, похожие на злобные головы, ползущие куда-то в темноте и грызущие влажную почву.

Я обнюхала один гриб. И почуяла очень слабый запах чего-то едкого и перезрелого. На языке выступила слюна от ощущения кислоты.

— Осторожнее! — взвизгнула я. — Они ядовитые!

Но когда я повернулась к лису, стоящему рядом со мной, его глаза были пустыми.

Я проснулась с громким рычанием.

— Что случилось?

Мягкая серая морда Хайки нависала надо мной. Он глядел на меня с тревогой.

Над горой занимался рассвет. Теплые лучи солнца окрасили камни в розовый цвет, коснулись Хайки, и его мех засиял в серебристом ореоле. Я могла рассмотреть каждый усик на морде лиса, каждый волосок на его боках. Шерсть у него была длинной, я такой никогда не видела. Несмотря на короткие толстые лапы, Хайки выглядел изящно: красивые карие глаза, узкая длинная морда. Я уставилась на